

Глава 24. Город Цзиньлин (6). Всё ещё хочет жениться

—

Резиденция Сюя.

Глава кабинета министров Сюй, только что вернувшийся из монастыря Кайшань, пообедал, и служанка подала ему фрукты.

«Господин», — служанка подала знак глазами.

Глава кабинета министров Сюй, опустив глаза, пил чай, вытащил из-под блюда с фруктами записку и, спрятав её в рукаве, прочитал.

Прочитанное вызвало резкую перемену в его выражении лица.

Сообщение от благородной наложницы Хуэй из гарема гласило, что император поверил маркизу Динбэю и начал подозревать его в том, что он является виновником отравления.

Лицо главы кабинета министров Сюя постоянно менялось. Он тут же сжёг записку: «Когда ты передавала сообщение, тебя никто не видел?»

Служанка покачала головой: «Никто, господин. Я встретила служанку, которую благородная наложница выслала из дворца, в магазине тканей. Мы были очень осторожны при обмене записками, и нас никто не видел».

Глава кабинета министров Сюй кивнул и тут же позвал своего слугу, чтобы шепнуть ему кое-что на ухо.

«Рядом с Сяо Фу нет мастеров. Сначала убейте этого Се Лаосаня. У Сяо Фу высокое боевое мастерство, поэтому передайте принцу Чжао, чтобы он послал больше мастеров и нашёл возможность убить его».

Императорские стражники стояли далеко, и могли лишь смутно видеть, но не слышать.

Во дворце Вэньтай лежал на кушетке в золотистой мантии с вышитыми драконами, его лицо было спокойным.

«Этот господин Се, которого Сяо Фу нашёл для меня, действительно божественный целитель. Я должен оставить его во дворце и сделать главой Императорской медицинской академии! Эта академия наполнена бесполезными людьми, которые не могут избавить меня от простого яда».

Маленький евнух вторил ему: «Божественный целитель Се, безусловно, обладает высоким мастерством, но это благодаря вашей глубокой мудрости, ваше величество, истинного сына неба!»

«Моя империя должна существовать вечно. Маленький яд — это всего лишь незначительное препятствие», — сказал Вэньтай, и его лицо помрачнело. «Благородная наложница Хуэй так внимательно следит за новостями из внешнего двора и передаёт их своему отцу, министру Сюю. Я должен был давно догадаться, что она, скорее всего, та, кто незаметно подсунула мне яд. Чиновники часто просят меня сделать её императрицей и назначить наследника... Подсунуть мне яд, кажется, она хотела, чтобы я быстрее сделал её императрицей. Это был грандиозный заговор!»

С того момента, как евнух упомянул монастырь Кайшань, семена сомнений в его сердце начали быстро расти.

«Матушка говорила, что перед приездом в столицу на Сяо Фу напали сотни смертников, и он был тяжело ранен. Как только он выздоровел, он тут же пошёл искать божественного целителя Се. Это означает, что хоть мой дядя и очень самонадеян, он всё же помнит о своём монархе... Если бы он хотел восстать, ему нужно было бы привести армию, но он не привёл её в столицу, что о многом говорит. Истинным виновником является тот, кто послал столько смертников убить его».

«Конечно, нельзя полностью исключать подозрения и в отношении Сяо Фу».

Вэньтай долго молчал, размышляя. В четыре часа дня стражники вернулись во дворец с докладом.

Они преклонили колени и сообщили: «Ваше величество, мы видели, как глава кабинета министров Сюй, получив письмо от благородной наложницы Хуэй, послал слугу передать сообщение в один из столичных ресторанов. Мы посчитали их подозрительными... Однако человек министра Сюя был очень бдителен и заметил нас. Поэтому нам пришлось арестовать обоих преступников!»

Вэньтай открыл глаза: «Где преступники?»

«В тюрьме. Оба молчат. Один из них, не выдержав пыток, откусил себе язык и покончил с собой!»

«Откусил язык?!» — Вэньтай сел прямо. «Если бы у него не было страха в сердце, зачем ему откусывать язык? Здесь определённа есть какая-то страшная тайна. Глава кабинета министров Сюй, как я мог так ошибиться, доверившись тебе!»

Вэньтай доверял министру Сюю и продвигал его, потому что премьер-министр Сюэ был наставником его старшего брата — наследного принца. А Вэньтай был младшим сыном бывшего императора, и ни по своим талантам, ни по порядку наследования он не должен был сидеть на троне.

В то время премьер-министр Сюэ был полностью на стороне наследного принца. После восшествия на престол Вэньтай первым делом сократил его власть и создал Внутренний кабинет, чтобы сбалансировать власть премьер-министра!

За эти семь лет у премьер-министра Сюэ осталось лишь одно имя. Сообщения от императорской стражи гласили, что он даже подумывает об отставке.

Тем временем в резиденции заместителя министра Министерства наказаний Ло царил хаос.

Господин Ло, вернувшись с утреннего суда, сел обедать, и на его обеденном столе оказались семь окровавленных голов. Неизвестно, какой мастер боевых искусств забросил их туда! Одна из голов, прокатившись по столу, упала прямо ему на колени!

Госпожа Ло тут же упала в обморок, слуги с криками разбежались. Господин Ло, увидев лица этих голов, был больше напуган, чем шокирован. Как чиновник Министерства наказаний, он часто видел такую жестокость, но сейчас он в ярости закричал: «Кто так хулиганит! Кто устраивает эти призрачные фокусы! Я — чиновник, назначенный двором!»

Управляющий дома Ло, спотыкаясь, вбежал и упал на колени: «Господин, господин! Эти головы... это те люди, которых я нанял в переулке Чуньшу, чтобы похитить этого Линь Цзыкуя! Только что, только что кто-то стоял у ворот с этой головой, я велел ему убираться... и не ожидал этого».

А этот человек просто пролетел и забросил голову на обеденный стол.

Господин Ло: «...»

Господин Ло: «Как он выглядел?! Ты его видел?!»

Управляющий, плача, сказал: «Он передал записку, в которой говорилось, что он из резиденции маркиза Динбэя».

Господин Ло был в ужасе: «Кто устроил этот фарс? Маркиз Динбэй разве не за границей с армией?!»

«И вообще! Кто приносит головы и оставляет записку?! Он сумасшедший, сумасшедший!»

Он даже не успел надеть головной убор и в своей служебной одежде поспешно вызвал карету: «Быстрее! Отвезите меня к главе кабинета министров Сюю!»

Господин Ло был приёмным сыном министра Сюя, который лично продвинул его до заместителя министра Министерства наказаний. Вчера сын министра Сюя, Сюй Чжоцзюнь, небрежно приказал ему арестовать нескольких человек и посадить в тюрьму. Он также попросил его отправить людей, чтобы кастрировать секретаря Тана, что было просто абсурдом!

Кроме того, он также небрежно дал ему небольшое, незначительное задание.

«Этот Линь Цзыкуй идёт против меня. Он хочет подать жалобу императору, так что сделайте так, чтобы он не смог говорить».

Господин Ло, вернувшись домой, не придавал этому значения. Какой-то цзюйжэнь, приехавший сдавать экзамены, без власти и влияния, он просто велел управляющему: «Нам велели пытать его до смерти, но не давать ему умереть слишком быстро!»

И только сейчас он понял...

Что, кажется, связался не с тем человеком.

Резиденция герцога Чанго.

После того как Линь Цзыкуй уснул, шпион, которого послал Сяо Фу, вернулся с новостями и доложил: «Дочь из семьи Сяо и чиновник Вэнь из Императорской академии состоят в тайных отношениях. Господин Сяо послал людей, чтобы господин Линь вернулся в столицу, чтобы обсудить расторжение помолвки. Господин Линь приехал в Цзиньлин поздно вчера вечером и остановился в резиденции секретаря Тана из Зала Цзянцзи».

Синий плащ Сяо Фу развевался на ночном ветру, а его лицо было холодным.

Он ничего не сказал, его полужакрытые глаза, казалось, размышляли о том, как убить Тан Мэнъяна.

«Маркиз, есть ещё кое-что. Сегодня после суда секретаря Тана схватили, надели на него

мешок и в углу кастрировали... Сейчас он лежит на больничной койке. Это тоже сделали люди господина Ло».

Шпион продолжил: «И после того, как головы были брошены на обеденный стол господина Ло, он тут же поспешил в резиденцию министра Сюя».

Голос Сяо Фу был ровным: «Тогда сегодня вечером сначала вырвите глаза секретарю Тану и скормите ему, а завтра утром отправьте людей, чтобы он пошёл на суд».

На следующее утро.

Сяо Фу отвёз Линь Цыкуя в только что приведённую в порядок резиденцию маркиза Динбэя. Он строго приказал всем слугам не называть его маркиз, а просто «хозяин».

«И в присутствии господина Линя не упоминайте о моём статусе».

Днём, пока Линь Цыкуй не спал, Сяо Фу был рядом с ним. Он часто читал ему «Четыре книги и пять классиков», а когда видел, что тот в унынии, утешал его: «Над головой небо, там боги. Линь-лан, те, кто тебе навредил, обязательно получают по заслугам!»

«По заслугам...» — Линь Цыкуй покачал головой. Его похудевшее лицо было обращено к свету из окна. Луч солнца упал на его спокойный профиль: «Но где же боги? Говорят, что есть Яньван (король ада), который находится под землёй. А есть святые, которые на небесах. Но здесь, на земле, никого нет. Где же справедливость, где закон на небе и на земле?»

«Справедливость и закон находятся в сердце человека», — сказал Сяо Фу. «Злые люди боятся других людей, но не боятся неба. Добрые люди страдают от других, но небо их не обижает. Я знаю, что ты боишься, но ты не одинок. Я ведь рядом с тобой».

Линь Цыкуй, очевидно, не хотел говорить об этом. Он держал в руках миску с почти выпитым лекарством и спросил: «Госпожа Чжаолин, могу я попросить тебя об одном одолжении?»

«Линь-лан, говори».

«Мой слуга всё ещё ждёт меня в храме Синчжи. Я должен вернуться, чтобы он не волновался. Можешь ли ты помочь мне в последний раз?» Линь Цыкуй долго думал и не мог вспомнить никого, кого бы он знал в Цзиньлине, и кому бы он мог доверять.

Чиновник, которого он когда-то уважал как учителя, был избит сорок раз палками за то, что осмелился давать советы императору, и той же ночью скончался.

Сяо Фу не мог найти причины, чтобы не отпускать его. Он был расстроен отчуждённостью в его словах.

Он корил себя за то, что не оставил никого присматривать за ним, когда уезжал из храма. Но это место было особенным. Там была охрана бывшего императора, и пока Линь Цыкуй не покидал храм, с ним ничего не должно было случиться.

Кто знал, что Линь Цыкуй вдруг сам приедет в Цзиньлин.

Но он не жалел о том, что выдавал себя за вторую дочь из семьи Сяо.

Сяо Фу никогда не жалел о своих поступках. Он был упрямым с детства. Он всегда шёл вперёд, даже если бил себя головой об стену, он не отступал.

Через два дня Сяо Фу, уладив все дела в столице, нашёл просторную и удобную карету. Юаньцин, Юаньбу и Цзинь Цзунь не были в столице, и Сяо Фу расставил своих людей из резиденции князя Юньнана по всему маршруту.

Карета, которая ехала обратно в храм, немного тряслась. Линь Цзыкуй сидел в углу, а Сяо Фу сидел рядом с ним, чистил мандарин. Он тщательно отрывал белые прожилки от долек, а затем подносил их к его рту: «Вот, съешь мандарин».

Линь Цзыкуй протянул руку, чтобы взять его, не давая ему себя кормить.

«Ну съешь уже, я так долго чистил эти белые волокна. А потом скажи мне, сладкий он или нет?»

Линь Цзыкуй положил дольку в рот, и сок брызнул в рот.

Сяо Фу спросил: «Сладкий?»

«... Угу, сладкий». Линь Цзыкуй был от природы как стойкий сорняк. После этого потрясения он снова начал приходить в себя. К этому дню его слабеющая воля немного вернулась.

Глаза у него не работали, но у него был рот, и он мог слышать. У него было звание цзюйжэня. Он мог вернуться в уезд Фэнтай и работать там учителем. Так можно было прожить остаток жизни.

Казалось, он примирился с судьбой, и его напряжённое выражение лица расслабилось.

В Цзиньлине было много бед, и он просто убежал от них.

Чувство глубокой обиды Линь Цзыкуй подавил глубоко в сердце.

Сяо Фу, видя это, был рад. Он нарочно сунул мандарин ему в руку: «Мандарин такой сладкий, так что покорми меня».

Линь Цзыкуй держал мандарин в руке, положив её на колени: «Госпожа Чжаолин, ты ведь знаешь, что я сейчас...»

«Ты не можешь найти мой рот?» — Сяо Фу наклонился, положил подбородок ему на колени, поднял глаза на лицо Линь Цзыкуя и, взяв его за запястье, сказал: «Теперь сможешь найти?»

Когда карета подпрыгнула, лицо Сяо Фу ударилось о его колени. Корона в его волосах ударилась о его живот, и он раздражённо сказал: «Ты собираешься кормить меня или нет? Если нет, то я не встану и просто буду спать у тебя на коленях».

Линь Цзыкуй не видел, но чувствовал дыхание Сяо Фу на своих коленях. Внезапно он вспомнил тот день, когда тот протянул руку и взял его.

Рука Сяо Фу была большой, должно быть, от тренировок боевым искусством. На ней было много мозолей.

Он просил его забыть обо всём, что произошло.

Но как Линь Цзыкуй мог забыть? Она обманул его, но она — девушка, и она сделала для него... такое! Как он мог притвориться, что ничего не произошло...

Думая об этом, он почувствовал беспокойство и, не говоря ни слова, почистил дольку мандарина. Сяо Фу сам поднёс её к своему рту, и его губы слегка коснулись кончиков его пальцев. Линь Цзыкуй тут же отдернул руку, словно его ударило током. Дрожь, которая передалась от кончиков пальцев, тут же распространилась по всему телу.

Сяо Фу тихо рассмеялся, его голос был низким. Линь Цзыкуй был растерян: «Госпожа Чжаолин, не смейтесь».

«Я знаю, что мой голос не похож на женский. Тебе не нравится, да?»

«Нет, нет! Ничего подобного». Линь Цзыкуй тут же отрицал. На самом деле, он уже привык, и ему это не казалось странным. Его волновало не это.

Сяо Фу взял его за руку и пристально посмотрел на него: «Госпожа Сяо расторгла с тобой помолвку, но я всё ещё хочу выйти за тебя, Линь-лан. Я так этого хочу, что мы уже уехали из столицы. Может, просто сбежим?»

Линь Цзыкуй на мгновение потерял дар речи.

«Госпожа Чжаолин, ты ведь не...» — он запнулся, а затем сказал: «Ты ведь...»

Его голос становился всё тише и тише.

И в конце концов исчез в воздухе.

Сяо Фу вздохнул: «Что «не»?»

Этот Линь Цзыкуй, оказывается, узнал, что он не дочь из семьи Сяо, но всё равно не хотел его раскрывать.

Линь Цзыкуй не мог этого сказать. Он боялся, что если скажет, то причинит девушке боль. Через некоторое время он сказал: «У тебя... есть какие-то трудности?»

«Трудности?» Сяо Фу честно ответил: «Конечно, есть. В тот день я принимал ванну в горячем источнике за даосским храмом, когда вдруг пришёл учёный и разделся передо мной. Это было так неразумно!»

Линь Цзыкуй: «...»

Сяо Фу: «Я всё видел, но я испугался и не смел говорить. Я мог только прятаться в воде и смотреть на тело этого учёного, на его лицо, на его манеру речи. Чем больше я смотрел, тем больше он мне нравился. Это был мой первый раз, когда я принимал ванну с кем-то. Я влюбился в тебя с первого взгляда, Линь-лан, но я узнал, что у тебя уже есть невеста. Что мне было делать? Если бы ты не был со мной, мне бы пришлось стать монахом».

Линь Цзыкуй вспомнил тот день, когда он только приехал в храм. Он действительно подозревал, что кто-то есть в воде, но он никак не мог подумать, что это была госпожа Чжаолин!

Он слегка приоткрыл рот: «Тебя правда, тебя зовут Сяо Чжаолин...»

«Меня действительно зовут Сяо Чжаолин». Сяо Фу взял его руку и написал на ладони по одной черте: «Это Сяо».

На ладони было щекотно, и чёткие черты вырисовывались в его голове. Линь Цзыкуй произнёс: «Сяо Чжаолин...»

Сяо Фу кивнул: «Верно. У меня есть старшая сестра и старший брат, поэтому я второй».

Линь Цзыкуй опустил голову и пробормотал: «Ты действительно носишь фамилию Сяо, и ты действительно вторая дочь».

Он разрушил репутацию госпожи Сяо. Как она сможет выйти замуж в будущем!

Линь Цзыкуй не мог быть бессердечным и жестоким.

Колёса кареты грохотали, как и неустойчивое настроение Линь Цзыкуя. Он не мог ни дать обещания, ни отказаться.

Но он и представить себе не мог, что Сяо Чжаолин не просто не дочь из семьи Сяо, а даже не женщина!

—

<http://bllate.org/book/14420/1274669>